

УДК 32.322

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.117.125>

ЕДИНСТВО РАЗНООБРАЗИЯ: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ – САМОМ СЕВЕРНОМ ФОРПОСТЕ ИСЛАМСКОГО МИРА XV–XVI ВЕКОВ

© 2024 г. Б.Л. Хамидуллин

В статье представлены результаты многолетних исследований этносоциальной и политической истории Казанского ханства, культуры правящего слоя и податного населения данного средневекового государства. Исторические источники свидетельствуют, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни страны, существовала полная веротерпимость и языковая толерантность, что было связано с традициями *Хазарского каганата*, *Волжско-Камской Булгарии*, *Монгольской империи* и Золотой Орды. Важно также указать достаточно широкую полилингвальность и мультикультурность населения Казанского государства. Отмечаемая многими современными учеными и преподавателями необходимость полилингвизма и мультикультурности в образовательном и коммуникационном пространстве «в эпоху постграмотности», оказывается, уже давно и успешно реализовывалась в разных странах в эпоху средневековья, например в XV–XVI веках в Казанском ханстве.

Ключевые слова: Казанское ханство, исламский мир, мультикультурализм, конфессиональная и языковая толерантность

UNITY OF DIVERSITY: CONFESSIONAL AND LINGUISTIC TOLERANCE, MULTICULTURALISM IN THE KAZAN KHANATE – THE NORTHERNMOST OUTPOST OF THE ISLAMIC WORLD IN THE XV–XVI CENTURIES

B.L. Khamidullin

The article presents the results of many years of research on the ethnosocial and political history of the Kazan Khanate, the culture of the ruling stratum and the taxable population of this medieval state. Historical sources indicate that in the Khanate, with the supremacy of Islam and the growth of its influence on all spheres of life in the country, there was complete religious and linguistic tolerance, which was associated with the traditions of the Khazar Khaganate, Volga-Kama Bulgaria, the Mongol Empire and the Golden Horde. It is also important to point out the rather wide polylingualism and multiculturalism of the population of the Kazan state. The necessity of polylingualism and multiculturalism in educational and communication space “in the era of post-literacy” noted by many modern scientists and teachers, it turns out, has long been successfully realized in different countries in the Middle Ages, for example, in the XV–XVI centuries in the Kazan Khanate.

Keywords: Kazan Khanate, Islamic world, multiculturalism, religious and linguistic tolerance

В результате целого комплекса политических, социально-экономических и природно-климатических причин во второй трети XV века Золотая Орда перестала существовать как единая империя. Это привело к появлению конфедерации татарских государств, продолживших ее традиции (Мухамедьяров, 2008б).

Одной из таких новых держав стало Казанское ханство (1438/1445–1552/1556), чьи государственное устройство и культура базировались на наследии Булгарского улуса/вилаяета Золотой Орды и функционировали с серьезны-

ми элементами центральноазиатского, ближневосточного, крымско-татарского и ногайского влияния (Худяков, 1923; Мухамедьяров, 2008а, 2012; Хамидуллин, 2008). Как и ранее в Волжско-Камской Булгарии (Белов, Хамидуллин, 2022), государственность ханства практически с первых же лет своего существования имела ярко выраженный мусульманский характер.

Исторические источники свидетельствуют, что уже со второй четверти XIV века в Золотой Орде главенствовал ханафитский

мазхаб суннитского ислама, с активным использованием местных обычаев и юридической практики («гореф-гадат»/«адат»); этот мазхаб позднее был широко распространен в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Тюменском/Сибирском татарских ханствах (Измайлов, Хамидуллин, 2008; Мухамедьяров, 2008а). И здесь везде именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами (которые являлись высшей социальной стратой), определяло общественно-политическую жизнь, так как мусульманско-правовая доктрина всегда относилась к государству как к институту, наделенному одновременно и конфессиональными, и светскими полномочиями. Например, основой судебно-правовой системы Казанского и других татарских государств был шариат, источниками которого являются Коран, сунна пророка Мухаммада, единогласное мнение богословов и правоведов. «Во всех своих поступках и событиях жизни [жители Казанского ханства] обращались к правилам священного шариата. Все свои споры и судебные дела разрешали согласно шариату», – информирует нас одна из татарских летописей (Хамидуллин, 2023, с. 6). Коран, безусловно, являлся главнейшей книгой и, совместно с хадисами, основой жизнедеятельности местного мусульманского сообщества, о чем, в частности, свидетельствуют постоянный летописный сюжет дипломатической культуры татар Казанского ханства – «клятва на Коране», а также «Тафсир Корана», написанный в Казани в 1508 году (Борынги, 1963, с. 340–341), и «Сборников хадисов», составленный в Казани в 1552 году (Давлетшин, 2009, с. 84).

Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государственной системе Казанского ханства, а предводитель этого духовенства (верховный сейид, потомок пророка Мухаммада и «Льва Аллаха» – халифа Али ибн Абу Талиба) возглавлял государственный совет (Диван) и, нередко, – «собрание всей земли Казанской» (курултай), активно участвовал в ключевых процессах внутренней и внешней политики страны (Худяков, 1923; Исхаков, 1997). Вполне возможно, что в ханстве даже было особое воинское формирование, подчиненное только лишь верховному сейиду, о чем, например, свидетельствуют некоторые факты биографии

верховных сейидов Бураша и Кул-Шерифа (Бахтин, Хамидуллин, 2014, с. 336). Дипломатом Священной Римской империи Сигизмундом фон Герберштейном (1486–1566) предводитель казанского духовенства именовался «верховным жрецом татар» (Герберштейн, 1988, с. 176), русским князем Андреем Курбским (1528–1583) – «великим бискупом» и «великим анарьи, або амиром» (Курбский, 1913, с. 38), а татарским историком и мусульманским богословом Шигабутдином Марджани (1818–1889), со ссылкой на неизвестные нам средневековые источники, – «избранным из благородных» или «руководителем великих» («нэкыйбел-эшраф») (Марджани, 1989, с. 200). М.Г.Худяков отметил следующих верховных сейидов Казани: Бураша (1491–1507), Шах-Хуссеина (1512–1516), Беюргана (1546), Мансура (1546) и Кул-Шерифа (1552). Далее историк указывал: «Глава духовенства считался после хана первым лицом в государстве, и в моменты междуцарствия он, в силу своего высокого положения, обычно становился во главе временного правительства. Перечисленные главы духовенства, кроме последнего – сына Мансура, стояли формально во главе государства, а Бураш и Шах-Хуссеин, кроме того, принимали активное участие в государственной деятельности, совершая поездки в качестве послов за границу, в Москву. Дипломатические поручения, которые они выполняли, требовали от них выдающейся образованности, глубокого ума и широкого опыта» (Хамидуллин, 2023, с. 11).

При описании одной из татарских торжественных церемоний, проходившей около Казани в 1524 году, С.Герберштейн информирует своего читателя, что сейид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются (к его руке); это позволено только царям, герцогам же (и начальники) касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ (плебеи) – только его платья или лошади» (Герберштейн, 1988, с. 176; см. также: Гваньїні, 2007, с. 728).

Если официальная резиденция казанских верховных сейидов находилась где-то внутри казанского кремля, рядом с ханским дворцом, Ханской и Соборной мечетями, то их ближайшей загородной резиденцией явля-

лось селение Кураишево, расположенное на левом берегу протоки Булак напротив Кураишевых и Крымских ворот крепости. В Кураишевой слободе с давних времен функционировали каменная мечеть (названная в честь бека Кутуча; по-русски «Кутучева/Отучева мизгить [мечеть]») (ПСРЛ, 1965, с. 202) и общегородское кладбище, располагались дома мусульманского духовенства и, соответственно, проживало много мусульманских деятелей. В свое время основатель казанской археологической школы Н.Ф.Калинин, памятуя о том, что «Курайш» – это древнейший мекканский род, к которому принадлежал пророк Мухаммад и все праведные халифы, писал, что «Курайш – аристократический род духовенства, от которого вели свое происхождение главы казанского духовенства» (цит. по: Айдарова-Волкова, 2019, с. 221). Однако источники знают также имя собственное «Курайш», поэтому вполне возможно, что указанное поселение было названо по имени некоего татарского (?) феодала (?) Курайша. Есть, например, версия, что данное поселение было подарено ханом Улуг-Мухаммадом служилому беку Курайшу, «отчего и стала она аулом Курайш» (Хамидуллин, 2023, с. 14). Позднее, с августа 1555 года, Кураишева слобода становится собственностью первого казанского архиепископа Гурия – Архиепископской слободой.

Возможно, самое первое упоминание казанского сейида казанско-ханского периода (если считать годом основания ханства 1438 год) – в информации о событиях первой половины октября 1445 года – мы находим в «Русском временнике», составленном в конце XVII века (Русский временник, 1820, с. 10). В источнике речь идет о некоем Сеид-Асане (сейиде Асане/Хасане/Хусейне?), сопровождавшем в октябре 1445 года из Нижнего Новгорода в Москву освобожденного из татарского плена великого князя Василия II. Не факт, что Сеид-Асан был сейидом, и не факт, что он был казанским сейидом, а тем более верховным. Имена собственно казанских сейидов Тевекеля и Касыма названы в послании 1489 года «царя» Ивана III тюменскому хану Ибаку (Айбаку/Ибрагиму) (Памятники, 1884, с. 84). Итого по информации различных источников мы знаем следующих верховных казанских сейидов: Тевекеля, Касыма, Бораша (Бараша/Бураша), Шаусейна (Шах-Хусаина/Шах-Хуссейна;

он под вопросом – был ли именно верховным сейидом?), Буюргана (Абеюргана/Беюргана/Биюргана), Мансура, его сыновей Кул-Мухаммада (Магмеда/Маамета) и Кул-Шерифа (Шарифкола). Самые же последние упоминания в источниках сейидов земель Казанского ханства (Зен-Сеида [Джан сейида] и Усеин-Сеида [Хусаин/Хусейн сейида]) относятся к марту 1553 и февралю 1554 годов (ПСРЛ, 1965, с. 230, 239), незадолго до окончательной гибели этого татарского государства в 1556 году.

Структура духовенства Казанского ханства была достаточно разветвленной. В источниках есть информация о верховных и меньших сейидах, шейхах, хакимах, факыйхах, муллах, имамах, муэдзинах, абызах, хафизах, остазах, шакирдах, дервишах и т.д., осуществлявших богослужение, судопроизводство, чиновничью, в т.ч. дипломатическую, преподавательскую и иную деятельность (Хамидуллин, 2023, с. 15–18).

Правители государства ханы-Чингизиды – а повелителем страны мог быть только потомок Чингиз-хана и только представитель мусульманской конфессии – четко и ясно осознавали и периодически публично подчеркивали свою принадлежность к исламской умме (общине) и мировой мусульманской цивилизации, что, в частности, подтверждало легитимность их власти в глазах местного населения. Об этом говорится во многих татарских устных и письменных дастанах («героических поэмах»), поэтических и прозаических преданиях и байтах-песнях, в которых часто упоминаются «мусульманские ханы Казани» (Насыри, 1988; Катанов, 1899; Мөнәжәтләр, 2000; Татарское, 2015, 2019, 2022), об этом свидетельствуют ханские ярлыки, с глубочайшим почтением упоминающие Аллаха и пророка Мухаммада и содержащие в тексте нишана (мяшени, печати) строки из Корана (Мустакимов, 2013), а также погребения казанских ханов на территории Казанского кремля, об этом же информируют многие русские письменные источники. Свидетельствует об этом также поэма «Могжиз-наме» («Книга чудес») Мухаммада-Амина (казанского хана или другого человека?), посвященная пророку Мухаммаду (вернее – его художественно-литературному образу). Одним из косвенных подтверждений этому служит также текст послания хана Тюменского государства

Ибака (Айбака/Ибрагима) великому князю московскому Ивану III (1489 год), в котором сказано: «Яз – бесерменский государь, а ты – христианский государь» (Памятники, 1884, с. 81). Ярким свидетельством этого является и появление у казанских ханов Сахиб-Гирея (казанский хан в 1521–1524, крымский хан в 1532–1551 годах) и Сафа-Гирея (казанский хан в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 годах) почетного титула «гази», обозначающего «борца за веру», «мусульманина, участвующего в войне за веру», «героя, победителя неверных» (Хамидуллин, 2016).

Татарская знать (точнее – высшее общество государства, не «простолюдины»), что следует из данных многих письменных, археологических и фольклорных источников, также была мусульманской, как и правители страны. Известный казанский поэт и дипломат-переводчик Мухаммадьяр Махмуд-хаджи углы, автор поэм «Тухвай-мардан» («Дар мужей»/«Подарок воинам», 1539) и «Нур ас-судур» («Свет сердец»/«Лучи душ», 1542), многое писал об истории появления и распространении ислама, о жизнедеятельности пророков и халифов, иных популярных личностях исламского мира (Мөхәммәдьяр, 1966). Автором «Шараиг ал-ахкам» («Определения шариата», 1553/1554) и «Сирадж ал-кулуб» («Светоч сердец», 1553/1554) – произведений, целиком пронизанных исламской идеологией и философией, источником которых были Коран, хадисы и шариатские предписания, – был участник переговоров между Казанью и Москвой в 1550-е годы Аднаш-хафиз ибн Мухаммад-хафиз (Марданов, Хадиев, 2013, с. 94). Популярными книгами в среде татарского высшего общества Казанского ханства были «Кысса-и Йусуф» («Сказание о [пророке] Юсуфе», 1233) Кул Гали, «Нахдж ал-фарадис» («Открытая дорога в райские сады», 1357) Махмуда ал-Булгари, сборник баитов «Шагир болгар газыйларе» («Мусульманские воители из Булгара», XIV век), сборник хикаятов «Насихат ас-салихин» («Советы/Наставления праведных»), анонимные «Бадавам» («Постоянно повторяй») и «Кисекбаш китабы» («Книга об отсеченной голове»), и т.п. Татары нередко совершали хадж – паломничество в Мекку, с последующим обретением почетного титула «хаджи» («ази»). Так, мы знаем о поездке в Саудовскую Аравию и Египет «царицы» Нур-Султан (казанская ханша в

1466–1486 годы, крымская – в 1486–1519 годы), ее родственников и приближенных (более 50 человек), о чем она лично сообщала в письме великому князю московскому Ивану III в 1495 году (Бережков, 1897, с. 10–11). В источниках мы часто встречаем имена татар Казанского ханства с прибавкой титула «ази». Во многих татарских исторических эпосах, преданиях, песнях и легендах о Казанском ханстве (например, в дастанах об Амате, о Чуре Нарыкове, в рассказах и песнях об истории Казани и Свияжска, о казанских ханах и ханше Сююмбике, об Иване Грозном и т.д.) постоянно упоминаются «знатные мусульмане Казани», «мусульманское войско», воюющее с «неверными», «мусульманские батыры», «мусульманские ученые» и т.д. и т.п. (Катанов, 1899; Татарское, 2015, с. 48–68). Надо специально отметить, что принадлежность татар Казанского ханства и их предков к мусульманской умме четко и ясно прослеживается во всей совокупности фольклора и литературы татар феодального периода (Рәхим, Газиз, 1925; Татар әдәбияты, 1984).

Философией ислама в той или иной степени проникнуты все разновидности средневекового татарского фольклора. Но в период Казанского ханства в народной среде широкое распространение получили и сугубо религиозные сочинения, чей жанровый состав очень богат – это и часть упомянутых выше преданий и легенд (например, маулиды о «посланнике Аллаха и печати пророков Мухаммаде», кысса о разных известных библейско-коранических персонажах, в частности «Кысса-и Йусуф», «Кыссас ал-анбия» и «Кысса-и Хобби Ходжа», хикаяты и риваяты о «первых праведных халифах», о Мекке и Каабе), это и мунаджаты (например, «Әминә-ханым – Мөхәммәд анасы») о матери пророка, а также многочисленные оды пророку Мухаммаду, о рае и аде, о «сират купере» – мосте над огненной преисподней, о душе, о смерти, об истине), это и сугубо религиозные сказки (например, с ангелами Азраилем и Джабраилем), а также пословицы и поговорки, через которые «простое» население государства (т.н. «кара халык» или «простые земские люди», т.е. «чернь») перенимало основные положения мусульманской доктрины, включая отношение к Всевышнему Творцу (Аллаху) и пророку Мухаммаду, к собственной судьбе, к природе и смыслу «земной власти» и т.д.

Хотя в составе государства имелось и большое количество так называемых «язычников» (мордва-мокша и в т.ч. мордва-каратаи; предки современных башкир, марийцев, удмуртов, чувашей и т.д.) (Хамидуллин, 2002, 2008, 2017а, 2017б), основная масса населения Казанского ханства, включая феодальную знать вышеуказанных народов, также была исламизированной. В русских письменных источниках XV–XVI веков жители Казанского государства именовались «безбожными», «богомерзскими», «нечестивыми», «окаянными», «погаными», «варварами», «агарянами» и «измаильтянами», «срацынами» и «бесерменами». Многочисленные мусульманские кладбища и отдельные погребения («святые места») с надмогильными памятниками с цитатами из Корана на бывшей территории Казанского ханства ясно свидетельствуют о преобладании исламской веры в среде местного населения. По-видимому, из 400–500 тысяч человек, проживавших в Казанском государстве в середине XVI века, как минимум половина являлись мусульманами (Хамидуллин, 2002, 2008, 2017а, 2017б, 2023).

Важно отметить, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни государства, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями *Хазарского каганата*, *Волжско-Камской Булгарии*, *Монгольской империи* и Золотой Орды. В пропаганде взаимоуважения, толерантности и межконфессиональной терпимости особо заметна роль суфийских шейхов. Рядом с посадом Казани находилась армянская слобода, церковь и кладбище, около половины населения государства свободно исповедовало разные виды язычества. По свидетельству многих источников, ислам в иноконфессиональной среде распространялся ненасильственно – в результате усиления этнокультурных контактов. «К язычникам-инородцам мусульмане относились с полной терпимостью и никогда не пытались насильственно обратить их в мусульманство. Проповедь мусульманских миссионеров среди инородцев совершалась мирным путем: суфийские шейхи ходили по деревням и своими проповедями обращали язычников в мусульманство. В знак того, что в Казанском ханстве обращение жителей в мусульманство совершилось мирным путем, мулла во время молитвы (хутбе) в мечетях Казанского края

стоит, опираясь на посох странника, а не на меч воина, как в Туркестане, где обращение жителей в мусульманство было совершено огнем и мечом», – писал историк М.Г.Худяков (Худяков, 1923, с. 188). Следует отдельно подчеркнуть, что в ханстве, в результате активизации интенсивности культурного взаимодействия различных этносоциальных групп населения, четко наблюдается начало процесса создания единой этносоциальной общности, прерванное событиями середины XVI века (Хамидуллин, 2017а).

В этом месте необходимо также указать достаточно широкую полилингвальность и мультикультурность населения Казанского государства. Отмечаемая многими современными учеными и преподавателями необходимость полилингвизма и мультикультурности в образовательном и коммуникационном пространстве «в эпоху постграмотности», уже давно и успешно реализовывалась в разных странах в эпоху средневековья, например в XV–XVI веках в Казанском ханстве. Естественно, в первую очередь это касалось наиболее состоятельной и образованной части населения. Различные источники дают нам сведения, что аристократия Казанского государства хорошо знала многие тюркские территориальные диалекты, а также арабский и персидский языки, а «простолюдины» на периферии страны нередко общались на смешанном тюрко-финно-угорском миксе, что автоматически приводило и к мультикультурности местного населения. В качестве примеров можно указать упомянутый выше «Тафсир Корана» (1508), написанный знатком арабоязычного Корана на старотатарском литературном языке; арабо-татарский словарь (1581) Хаджибайрама ибн Хаджибулата; многочисленные списки произведений центральноазиатских тюркских мыслителей Сулеймана Бакыргани, Ахмеда Ясави, Рабгузи и Маджлиси, персоязычных авторов (например, поэтических духовных маснави, поэм и стихотворений Фирдоуси, Низами, Атгара, Гянджеви, Саади, Хафиза Ширази и Джами) и арабо-персоязычной «Китаб альф лейла ва лейла» («Книги тысячи и одной ночи»), имевших массовое хождение в среде населения Казанского ханства; полиязычные ярлыки ханов (в которых активно использованы тюрко-татарские, персидские, арабские, османские слова и термины), полиязычные

тексты Кул-Шарифа и полиязычные надписи надмогильных камней. О том, что «простолюдины» на периферии страны нередко общались на тюрко-финно-угорском миксе, свидетельствует наличие в государстве мордвы-каратаев (воспринявших татарский язык и некоторые элементы культуры татар, но сохранивших свое мокшанское самосознание) (Хамидуллин, 2002, с. 225) и начало формирования здесь удмуртов-бесерман (части южноудмуртского населения, испытавшей значительную тюркизацию и исламизацию, либо наоборот – части татар, ассимилировавшейся в финно-угроязычной среде) (Хамидуллин, 2002, с. 218–219).

Широкой полилингвальности и мультикультурности населения ханства особо способствовали богатая традиция исламского просвещения (базирующаяся на «гыйлем – стремлении к знанию»), высокоразвитая система мусульманских учебных заведений (мектебов и медресе при всех мечетях страны, в которых обязательно функционировали библиотеки с книгами на разных языках, «секции» декламаторов Корана и каллиграфов и т.д.), большой слой образованных людей (улемов), а также постоянное специальное приглашение казанскими ханами в Казань ученых, поэтов, художников, певцов и музыкантов из различных стран. Дословно следуя известным хадисам пророка Мухаммада («Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина»; «Постигайте науки с колыбели и до исхода в могилу»; «Того, кто вступил на путь поиска знаний, Аллах наставляет на путь, ведущий в Рай» и др.) в Казанском государстве активно развивались богословие, юриспруденция, делопроизводство, историография, литература и литературоведение, философия, астрономия, архитектура, музыкальное творчество, декоративно-прикладное искусство и т.д. О высокоразвитом делопроизводстве в ханстве свидетельствуют чудом сохранившиеся после событий 1552–1556 годов татарские документы (например, ханские ярлыки), а также дипломатическая переписка ханов (например, с Великим княжеством Литовским) (Пилипчук, 2014). О многочисленности в Казанском ханстве школ и библиотек, ученых и поэтов нам подробно

сообщают народные предания, об этом ясно свидетельствуют литературно-исторические произведения Аднаша-хафиза, Гарифбека, Кул-Шарифа, Мухаммадьера, Мухаммада-Амина и других авторов. Отмечу (вслед за исследователем Г.М.Давлетшиным), что в тот период художественная литература остается самым результативным средством популяризации религиозной и, вообще, любой науки (Давлетшин, 2009, с. 85). Медицинский трактат «Шифа» («Исцеление») с комментариями Мухаммада-Амина ал-Болгари и «Мәжмәгыл қавағыйд гыйльме хисаб» («Сборник правил науки арифметики») Мухийтдина Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи показывают нам высокий уровень развития в государстве различных точных наук, что, в частности, отразилось в высокой градостроительной культуре Казанского ханства, известной нам по информации автора «Казанской истории» и текстов князя Андрея Курбского, а также по изысканиям археологов. И все это в совокупности дало возможность барону Сигизмунду фон Герберштейну написать в «*Regerum Moscoviticarum Commentarii*» («Записках о московитских делах», 1549), что «эти [казанские] татары – культурнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей, и редко воюют» (Герберштейн, 1988, с. 170 и прим.)...

Как мы видим, ислам проник во все сферы жизнедеятельности правителей, высшего общества и податного населения Казанского ханства, безусловно, оказав огромное влияние на идеологию страны, ее духовное развитие, экономику, быт, этносоциальные процессы, международные связи и т.д. Казанское государство, как и ранее Волжская Булгария, стало главным центром распространения ислама среди народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья, «самым северным форпостом» мусульманства, что дает нам полное право считать Казанское государство неотъемлемой частью общемировой исламской цивилизации. При этом в Казанском ханстве имели широкое распространение конфессиональная толерантность, языковое и культурное разнообразие местного как тюркского, так и финно-угорского населения. То есть единство разнообразия и разнообразие единства...

ЛИТЕРАТУРА

Айдарова-Волкова Г.Н. Неизвестные мечети Старо-Татарской слободы второй половины XVI – первой половины XVIII вв. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 219–234.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 289–358.

Белов С.Г., Хамидуллин Б.Л. Волжские булгары. Путь к исламу. Казань: ИТЭР АН РТ, 2022. 136 с.

Бережков М.Н. Нур-Салтан, царица крымская (Историко-биографический очерк) // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1897. № 27. С. 1–17.

Борынгы татар әдәбияты. Казан: ТКН, 1963. 576 б.

Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Пер. з польської о. Ю. Мицика. Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. 1006 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Давлетшин Г.М. О богословии и науке в Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 84–91.

Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. Казань: ТКИ, 2008. 63 с.

Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997. 78 с.

Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1899. Т. 15. Вып. 3. С. 241–360.

Курбский А. История о великом князе Московском (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. VIII с., 194 стб.

Марданов Р., Хадиев И. Татарская книга = Татар китабы. Казань: ТКИ, 2013. 104 с.

Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казан: ТКН, 1989. 414 б.

Мөнәжәтләр. Казан: Иман, 2000. 232 б.

Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдән. Нуры содур. Поэмалар. Казан: ТКН, 1966. 148 б.

Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2013. С. 31–47.

Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2 / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008а. С. 123–127.

Мухамедьяров Ш.Ф. Содружество постзолотоордынских татарских исламских государств // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2 / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008б. С. 119–122.

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. М., 1951). Казань: Ихлас; ИИ АН РТ, 2012. 276 с.

Насыири К. Фәвакиһел жөләса фил әдәбият. Казан: Имп. Ун-ты тип., 1884. 615 б.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. XXII, 558 с., 82 стб.

Пилипчук Я.В. Отношения между Великим княжеством Литовским и Казанским ханством (1506–1552) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 80–102.

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 532 с.

Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. 2-нче басма. Казан: Татарстан матбу-гат һәм нәшрият комбинаты, 1925. 316 б.

Русский временник. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1820. 406 с.

Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. 1 т. Казан: ТКН, 1984. (Урта гасырлар дәвере). 287 б.

Татарское народное творчество. Т. 5 (Предания и легенды) / сост. С. М. Гилязудинов. Казань: ТКИ, 2015. 383 с.

Татарское народное творчество. Т. 8 (Дастаны) / Отв. ред. Д.Э. Нигматуллина. Казань: ТКИ, 2019. 471 с.

Татарское народное творчество. Т. 9 (Байты) / Отв. ред. И.К. Фазлутдинов. Казань: ТКИ, 2022. 479 с.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: ТКИ, 2002. 335 с.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // БРЭ. Т. 12. М.: БРЭ, 2008. С. 402–405.

Хамидуллин Б.Л. Гирей на казанском престоле: эпоха национального возрождения // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2016. № 1/2. С. 3–10.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как цельная этнополитическая общность // GLOBAL-Turk. 2017а. № 1/2. С. 172–189.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2017б. № 1/2. С. 50–62.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань: ИТЭР АН РТ, 2023. 39 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990, 311 с.

Информация об авторе:

Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, зав. центром, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х.Хасанова АН РТ (г. Казань, Россия); bulat.antat@mail.ru

REFERENCES

Aidarova-Volkova, G. N. 2019. In *Istoricheskaya etnologiya (Historical ethnology)* 4 (2), 219–234 (in Russian).

Bakhtin, A. G., Khamidullin, B. L. 2014. In Khakimov, R. (ed. in-chief). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes) 14 Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. (The Tatar states of the XV–XVIII centuries)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 289–358 (in Russian).

Belov, S. G., Khamidullin, B. L. 2022. *Volzhskie bulgary. Put' k islamu (Volga Bolgars. The way to Islam)*. Kazan: M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies (in Russian).

Berezhkov, M. N. 1897. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 27, 1–17 (in Russian).

1963. *Boryngy tatar adabiyaty (Ancient Tatar literature)*. Kazan: “TKN” Publ. (in Tatar).

Gvanyini, O. 2007. *Khronika evropeys'koi Sarmatii (Chronicle of European Sarmatia)*. Kiev: Kiev-Mohyla Academy (in Ukrainian).

Gerbershtein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovy)* I. Moscow: “Pamiatniki istoricheskoi mysli” Publ. (in Russian).

Davletshin, G. M. 2009. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekoveye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 1. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 84–91 (in Russian).

Izmailov, I. I., Khamidullin, A. M. 2008. *Islam v Zolotoi Orde (Islam in the Golden Horde)*. Kazan: “TKI” Publ. (in Russian).

Iskhakov, D. M. 1997. *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh (Seyids in the late Golden Horde Tatar states)*. Kazan: “Iman” Publ. (in Russian).

Katanov, N. F. 1899. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* vol. 15, issue 3, 241–360 (in Russian).

Kurbsky, A. 1913. *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom (Iz vlecheno iz «Sochineniy knyazya Kurbskago») (History of the Grand Prince of Moscow (Extracted from the "Writings of Prince Kurbsky"))*. Saint Petersburg: Aleksandrov, M. A.” Publ. (in Russian).

Mardanov, R., Khadiev, I. 2013. *Tatarskaya kniga (The Tatar Book)*. Kazan: “NKN” Publ. (in Russian).

Mardzhani, Sh. 1989. *Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan' va Bulgar (Sources on the history of Kazan and Bulgaria)*. Kazan: “NKN” Publ. (in Tatar).

2000. *Mönəxətlər (Munajats)*. Kazan: “Iman” Publ. (in Tatar).

Mukhametd'yar. 1966. *Təkhfəi mərdən. Nury sodur. Poemalar (Tukhfə-i Mardan. Nur-i Sodur. The poems)*. Kazan: “NKN” Publ. (in Tatar).

Mustakimov, I. A. 2013. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekoveye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 43–52 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2008. In Kobischanova, Yu. M. (ed.). *Ocherki istorii islamskoy tsivilizatsii (Essays on the history of Islamic civilization)* Vol. 2. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" Publ., 123–127 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2008. In Kobischanova, Yu. M. (ed.). *Ocherki istorii islamskoy tsivilizatsii (Essays on the history of Islamic civilization)* Vol. 2. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" Publ., 119–122 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2021. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva (XV – pervaya polovina XVI vv.) (The social, economic and state system of the Kazan Khanate (XV – the first half of the XVI century))*. Kazan: "Ikhlas" Publ., Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Nasyiri, K. 1884. *Fəvakihel əçələsa fil ədəbiyat (Fruits for literary conversations)* Kazan: Kazan Imperial University Publ. (in Russian).

1884. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s aziatskimi narodami: Krymom, Kazan'yu, Nogaytsami i Turtsiye, za vremya Velikikh knyazey Ioanna III i Vasiliya Ioannovicha (Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with Asian peoples: Crimea, Kazan, Nogais and Turkey, during the time of Grand Dukes John III and Vasily Ioannovich)*. Series: Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society). Vol. 41. Part 1. Saint Petersburg: "Eleonsky, F. & Co" Publ. (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (3), 80–102 (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'. 2-ia polovina. Tsarstvennaia kniga (Patriarch's or Nikon Chronicle. The 2nd half. The Regal Book). 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rakhim, G., Gaziz, G. 1925. *Tatar ədəbiyatı tarikhy. Feodalizm dəvere. 2-nche basma (The history of Tatar literature. The era of feudalism. 2nd edition)*. Kazan: "Tatarstan matbugat hәм nәshriyat kombinaty Publ. (in Tatar).

1820. *Russkiy vremennik (The Russian vremennik (annals))* Part. 2. Moscow: Synodal Printing House (in Russian).

1984. *Tatar ədəbiyatı tarikhy (The history of Tatar literature)* Vol. 1. Kazan: "TKI" Publ. (in Tatar).

Gilyazutdinov, S. M. 2015. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Predaniya i legendy (Tatar Folk Art: Fairy Legends)* 5. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Nigmatullina, B. E. 2022. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Dastany (Tatar Folk Art: Fairy Dastans)* 8. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Fazlutdinov, I. K. 2022. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Baity (Tatar Folk Art: Fairy Baits)* 9. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2002. *Narody Kazanskogo khanstva: etnosotsiologicheskoe issledovanie (The Peoples of the Kazan Khanate: an ethnic and sociological study)*. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2008. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 12. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 402–405 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2016. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* 1/2, 3–10 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2017. In *GLOBAL-Turk*. 1/2, 172–189 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2017. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* 1/2, 50–62 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2023. *Kazanskoe khanstvo kak immanentnaya chast' islamskoy tsivilizatsii (The Kazan Khanate as an immanent part of Islamic Civilization)*. Kazan: M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies (in Russian).

Khudiakov, M. G. 1990. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva (Essays on the Kazan Khanate History)*. Kazan: "Fond TlaK" Publ. (in Russian).

About the Author:

Khamidullin Bulat L., Candidate of Historical Sciences, Head the Center, the M.H.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan the Academy of Sciences. Pushkin., str., 56, Kazan, 420015, Russian Federation; bulat.antat@mail.ru

